

ТВОРЧЕСТВО ВАСИЛИЯ БЕЛОВА В ШКОЛЕ* VIII КЛАСС

Самое яркое произведение лирической прозы Белова — рассказ «Холмы» — станет предметом внимания в VIII классе на уроке, посвященном литературе родного края (см. программу под ред. Т.Ф.Курдюмовой). Используем на уроке стихотворения Н.М.Рубцова «Видения на холме» и «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», отрывком из которого и начнем урок:

*Я буду скакать по холмам задремавшей
отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных
племен!
Как прежде скакали на голос удачи
капризных,
Я буду скакать по следам миновавших
времен...*

Прочитаем и строки Белова из рассказа «Бобришный угор»: «Время вымораживает нас из родных мест, а мы снова и снова возвращаемся к тем истокам, как бы ни грешили знакомством с другими краями... Ведь человек частлив, пока у него есть родина. ...Как бы ни сурова, ни неласкова была она со своим сыном..., нам никогда от нее не отречься».

Сознание нечаянной вины перед своей родиной за ту юношескую запальчивость, с которой поклонялся никогда не возвращаться в страну своего детства, проходит через все творчество Белова.

«Он вошел в зеленое, звенящее кузнечиком поле и на ходу медленно обвел взглядом родные, много лет не виданные окрестности и деревни. Он ощутил сейчас какое-то странное радостное и грустное чувство причастности ко всему этому...».

*Продолжение. См.: Литература в школе. — 2000. — № 5.

Это и есть центр притяжения и Белова, и его лирического героя. Сравним эти строки с рубцовскими:

*Но моя родимая земля
Надо мной удерживает власть, —
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась,*

*И вокруг любви неодолимой
К селам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси!*

«Ось»

Здесь, в родном гнезде, начинает постигать человек любовь к родной земле, ведь только через понимание и причастность к жизни родного края, через душевную привязанность к своему дому, к своей малой родине начинается развитие патриотического чувства, приходит человек к любви большой родины — России. Как нельзя любить некий абстрактный образ, так невозможно любить и родину вообще, не любя хотя бы скромного уголка, давшего тебе жизнь, детство, юность, подарившего тебе «мучительную связь», неистребимую нежность ко всему, что с рождения окружало тебя. Такую пищу к размышлениям восьмиклассников дает рассказ Белова. Здесь можно вспомнить и слова другого русского писателя — А.Т.Твардовского: «Эта малая родина со своим особым обликом, со своей — пусть самой скромной и непритязательной красотой предстает человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений ребяческой души, и с нею, этой отдельной и личной родиной, он приходит с годами к той большой родине, что обнимает все малые...».

Об этом притяжении, об этой нерасторжимой связи, о поисках своего места в вечной гармонии бытия, о постижении бессмертия народа и размышляет автор в рассказе «Холмы».

Задумаемся над названием произведения. О каких холмах ведет рассказ писатель?

Перед нами «крутой зеленый холмик», с которого открывается прекрасная, умиротворенная картина знойного летнего дня, и могильные холмики, под которыми покоится несколько поколений русских женщин, и холмы, в которых лежат отцы, деды и прадеды — славные русские воины, погибшие, защищая Отечество при Шипке, в Маньчжурии, на Вол-

ге. Родимый зеленый холмик и холмы воспринимаются как память о людях, подаривших жизнь лирическому герою, они то необходимое звено, которое включает в себе бессмертие народа.

Как в лирическое повествование входит тема памяти? Отвечая на поставленный вопрос, обратимся к композиции рассказа.

Определим, где проходит граница между двумя частями, что в каждой из них изображено.

Первая часть — описание прекрасного летнего утра, пробуждение лирического героя от сна, образы которого «ускользали, оставляя неудовлетворенность», «щемящая душевная тоска», охватившая героя после встречи с деревенским сверстником, сознание необратимого течения времени, прогулка по окрестностям деревни. И еще вопросы, которые рождает «какое-то странное радостное и грустное чувство причастности ко всему этому».

На границе между частями и появляется впервые, робко входя в повествование, перерастающее в размышление, заглавное слово — «холмик». Восьмиклассники без труда смогут проследить, что это слово теперь войдет в каждый последующий абзац, лишь единожды уступая свои позиции слову «могила». Таким образом, слово «холм» и представления, связанные с ним, становятся своеобразным мостиком, сводящим в единое целое ту цепь размышлений, которая и составляет основу второй части. Перечитаем ее первый абзац: «Он вышел на крутой и зеленый холмик, огибаемый голубой озерной подковой. Купол церкви плыл в небе, плыл в редких белых облаках, плыл и все не мог никуда уплыть. Пчелы тихо жужжали над купами верб. Внизу от ветра и солнца мерцало озеро, голубизна, пронизанная лучами, темнела, дробилась в своем бесконечном изменении. А здесь, на холме, было тихо и зелено. Зной истек в небо, искажая лесной горизонт волнистыми вертикальными струями. Не в масть серым, реденьким, словно захмелевшим от времени, крестам белел свежий штакетник, и арка новых сосновых ворот плыла в небе вместе с церковным куполом».

Подчеркнем кольцевую композицию абзаца, задумаемся над повторами, возводящими размышления героя на высоту «вселенской общности».

Сколько тематических рядов можно выделить в размышлениях лирического героя? Предложим самостоятельно (по вариантам)

проследить основные темы: тему чередования поколений и тему противопоставления женской и мужской судьбы.

Первая тема проходит основным фоном через всю часть и завершается в финале вопросами, обращенными к собственной судьбе: «А может быть, придет и его черед? Идти дорогой мужских предков, к чужим неродимым холмам?»

Какие слова звучат наиболее горестно и мучительно? Почему стоящие рядом определения «чужим неродимым» у автора неоднородны? Понять авторское видение значения слов поможет подготовленный индивидуально анализ словарных статей толкового словаря, словаря синонимов, подбор синонимичных и антонимичных выражений не только к словам «чужой» и «родимый», но и к слову «родной», сравнение двух последних между собой.

Вторая тема — тема противопоставления женской и мужской судьбы — определяется фоном первой темы и на этом фоне становится главным предметом раздумий лирического героя.

Найдите, как настигает героя рассказа мысль о разности женской и мужской доли, как подчеркнута неожиданность этой думы и потрясение от нее. Белов, как всегда, немногословен и прост: «Вдруг его впервые обожгла, заставила сжать зубы простая, ясная мысль». *Как определяющее настрой слово «вдруг» откликается в размышлении о мужской судьбе?* «Он вдруг вспомнил, что в его родословной ни одного мужчины нет на этом холме. Они, мужчины, родились здесь, на этой земле, и ни один не вернулся в нее, словно стесняясь женского общества и зеленого этого холма... Поколение за поколением они уходили куда-то... Шли, торопились будто на ярмарку, успев лишь срубить дома и зачать сыновей».

Так текут раздумья о женских и мужских судьбах, постоянно соприкасаясь друг с другом, — раздумья о ярких, героических своим подвигом судьбах русских солдат, лежащих на шипкинских высотах, в маньчжурских холмах, на Мамаевом кургане, — и о скромных, незаметных, затерявшихся могилах не дождавшихся их жен и матерей: «И вот сейчас на родине, одинокие даже в земле, лежат прабабки и бабушки», «А могила прабабки затерялась», «А бабушкина могила исчезла, нигде не видать ни креста, ни камня».

Какую роль в усилении трагического контраста играют лексические средства, синтак-

сические конструкции? Найдем единственный эпитет «одинокие», усиленный распространенностью, модальной частицей, дистанцией по отношению к определяемому слову; отметим, что глаголы *затерялась, исчезла* имеют характер нагнетания, сами предложения, финальные в каждом абзаце, до скупости немногословны, от первого ко второму происходит смена конструкции — она становится противительной, от второго к третьему — к противопоставлению присоединяется отрицательная конструкция (проанализируем ее краткость).

Как эта отрицательная конструкция выльется в трагическое, тяжелое итоговое раздумье лирического героя? «И никто не носит сюда цветы, никто не навещает этих женщин, не утешает их одиночество, которое не кончилось даже в земле». Строки эти потрясают своей горечью и одновременно категоричностью, пониманием, что невозможно ничего изменить, что каждый несет свой крест, заслуживая крест на своем могильном холме.

*И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким все было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.*

*И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая... —*

поймет лирический герой стихотворения Николая Рубцова «Над вечным покоем», а Белов сведет нелегкие мысли своего героя о чередности поколений, о судьбах предков, о собственной судьбе в предельно сжатую, но значимо обобщающую фразу, составляющую отдельный абзац (попутно подчеркнем роль предложения, выделенного в абзаце, — привлечем внимание читателя, запечатлеть в его сознании выделяемую мысль): «Он сидел под вербой на зеленом, тихом, знойном холме и думал об этом».

После разговора в VIII классе о рассказе «Холмы» естественна будет встреча на следующей год, в IX классе, с рассказом «На Росстанном холме». Она как бы продолжит раздумья о женской доле, о смене поколений, о предназначении человека, о вечности и верности его чувств, но уже не в лирическом повествовании, а в рассказе-судьбе, полно, обстоя-

тельно и пронзительно тонко рисующем и психологический портрет героини.

Рассказ «На Росстанном холме» предлагаем к обсуждению на уроке внеклассного чтения после «Слова о полку Игореве». Традиционно сложившаяся система уроков в этом случае использует произведения на военную тему — о воинском подвиге, мы же, выбирая рассказ Белова, продолжаем другую тему, начатую великим творением древности, — тему женской судьбы.

В качестве эпиграфа к уроку возьмем отрывок из стихотворения В.Я.Брюсова «Певцу "Слова"»:

*Стародавней Ярославне тихий ропот
струн:
Лик твой древний, лик твой светлый, как
и прежде юн.*

*Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто
Слово спел,
Все мечты веков грядущих тайно
подсмотрел?*

*Или русских женщин лики все в тебе
слиты?
Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Татьяна
— ты!*

*На стене ты плачешь утром... Как
светла тоска!
И, крутясь, уносит слезы песнь певца — в
века!*

Пленительный образ Ярославны, созданный поэтом XII века, остается вечно живым, воплощающим в себе образ русской женщины во все времена. Ярославна стала символом женской верности, символом женской самоотверженности, символом русской женщины вообще. Потому невольно вспоминается русская княгиня, причитающая на стене древнего Путивля, когда читаешь эти горестные и одновременно светлые в своей печали строки: «Ой, остригли буйну голову, золотые кудри сыпучие, как на каждой волосинке по горючей по слезинке. Тебе шинель-то казенная не по костям, не по плечушкам, сапожки-то не по ноженькам, рукавички не по рученькам. На чужой-то на сторонешке все-то версты не меряны, все народы незнакомые, ой, да судьи немилостивы...».

Словно снова плачет Ярославна по воинским русским, павшим на дальней незнакомой стороне. Почти тысячу лет спустя все так же

тоскуют русские женщины, проводившие своих мужей в чуждальную сторону, ожидающие их, как ждет героиня рассказа «На Росстанном холме» Мария мужа своего, пропавшего без вести 25 лет назад на последней, самой страшной войне: «Пропал без вести, ведь не убитый же. Никому не верила: ни бумагам, ни людям, одному сердцу».

О чем же этот рассказ? О любви, о молодости, о бесконечной верности, о неумирающей надежде, о памяти, о смене поколений, о нерасторжимости человеческих связей, о неиссякаемости жизни.

Страдание, боль, тоска прорываются в рассказе не единожды при чтении. *Найдем и перечитаем и встречающиеся несколько раз глаголы:* «попричитать бы», «хотелось попричитать», «запричитала», «ходила причитать», лейтмотивом проходящие через произведение, и сами причеты:

«Ой, приупали белы рученьки, притуманились очи ясные, помертвело лицо белое со великого со горюшка. Как ушел ты, мой миленький, не по-старому да не по-прежнему, во солдатскую службицу, по конец света белого, по край красна солнышка».

Какое чувство рождает эти строки? Тягостно или чисто от них становится на душе? Попросим учеников найти, как сам автор отвечает на этот вопрос: «Она причитала легко, не останавливаясь и не напрягаясь. Слова причета свободно веялись в чистом голосе, слетали, будто, нескудеющая, крошилась в мир невозвратимыми крупичами сама ее душа, и чем больше крошилась, тем отраднее было и легче». (Выделим слова *легко, свободно, чистый, отраднее, легче*, создающие здесь настроение.)

Рассказ о расставании, о безнадежном ожидании звучит трагически или жизнеутверждающе? Проследите по тексту, какое из настроений преобладает.

«Смех», «залюбовалась», «радость», «радостная тоска», «празднично притаилась», «сквозь пелену радостных слез», «восторг», «что-то солнечное», «смеялась», «улыбнулась», «счастливая весна», «горькая радость» — встречаем мы в первой половине рассказа. *Какие воспоминания здесь сопровождают этими нельзя сказать веселыми или жизнеутверждающими, но все-таки светлыми, отрадными словами?* Это и воспоминание о детстве, когда впервые оказалась Мария на Росстани, и о «майской Росстани, когда цвела черемуха»,

такой счастливой была весна, о свадьбе и о сенокосной страде.

Как в центр рассказа входит преддверие беды? Перечитаем описание грозы, выделим самые яркие моменты: звучащие приговором слова «было ясно, что ничего уже не успеть и никуда не уйти от потопа»; вызывающий, дерзкий, какой-то шустрый образ — «заносчиво и нахально уже клевались ядовито-белые молнийки» (поработаем с лексикой: оценочными эпитетами, уменьшительной формой существительного, глагольной метафорой). Этому противопоставлено размеренное, гордое спокойствие следующей фразы: «И Росстань притихла, готовясь принять на себя грозовые удары». Невольно рождается сопоставление с грозой военного лихолетья, расколовшего, как гроза расколола рассказ, жизнь людей на две части, и «все почернело, все омертвело», «враз во многих местах бухнули, раскололись черные западные небеса, и какая-то струнка в душе тонко заныла и оборвалась, не найти кончики, не связать...».

Теперь посмотрим, *какое воспоминание становится определяющим во второй половине рассказа.* Проводы мужа на войну, торопливое прощание (обратим внимание на то, что задержалось в памяти Марии: «муж обнял, как ей показалось, жестко и неласково», «без огляда пошел с холма, а она даже не упала у этого камня», у которого теперь четверть века льет слезы), и сватовство двоюродного мужа его брата с его надирывным: «Зря ждешь, не придет!», и причитания на Росстани, и приходящая, как наяву, картина: «Он шел, все шел и шел, все эти годы, и все эти годы Мария ждала его домой...».

Много ли в этой части рассказа «счастливых» слов? Проследим, что приходит им на смену. На смену приходят плачи (их три, и все они находятся здесь), образы иной наполненности: «скулит и стонет нечистая сила», «голодные, жестокие зимы», «круглолицая недобрая луна», «жутко метутся сухие снега, хоронят дорогу», «холодное солнце», «жестокие слова», «тревога и страх перед неизбежным», «жуткий крик, готовый вырваться в небо».

Какое раздумье, какое понимание становится самым безрадостным — трагичным?

«И теперь тревога и страх перед неизбежным чем-то сменились вдруг ясной и страшной от этой ясности мыслью:

«Не придет. Нет, видно, уж. Не придет, никогда, ни завтра, ни после».

И Мария заплакала: матушки, милые, небеса не упали на землю и гром не гремит на белом свете, земля не раскололась под ней, нет нигде ни огня, ни дыму, прежние стоят стога и колны... Только его нет, нет и не будет, и ждаль-то больше некого, и на Росстань-то ходить нечего. Двадцать пять годов ждала, ждала его, голубчика. Ждала, а он лежал мертвый в чужой земле. А может, от веры этой легче было лежать в чужой земле его костям, может, знает он, слышит ее сейчас? Не слышит, не знает...».

Как удается писателю такими простыми, непритязательными словами создать пронзительно-трепетное впечатление, потрясающее переживание? Выделим преобладание отрицательных конструкций, как бы не отпускающих ни на мгновение, закрепившихся навек и приведших к последней, скупой, но бесконечно значимой фразе; найдем повторы, и главное среди них слово — «ждала», и закрепление этого повтора с помощью аллитерации (ждала — лежал — чужой — может).

Дважды заканчивает автор раздумья Марии многоочием, подчеркивая этим и бесконечность думы, и безнадежность ожидания, и безответность, и дважды вырывает героиню из этого состояния смех. Найдем эпитет, который сопровождает его, — «негромкий», «тихий». *Что заключает он в себе? Что происходит с Марией, когда она слышит этот негромкий смех? «Мария очнулась» — вернулась к жизни? «Оглянулась: между колен внизу ходили, будто плутали, Сережа и дочка. Дочь, как и Мария тогда, двадцать пять лет назад, ходила с парнем по Росстани. И теперь Мария уже спокойно, с отрадной тоской долго глядела на них. Глядела сама на себя, молодую и рожденную заново» — возродилась!*

Почему состояние трагической обреченности, подчеркнутое и сравнением с «подбитой птицей», и эпитетами «постарелая и обессиленная», сменяется «отрадной тоской» и чистыми, смывающими тяжесть слезами? К какой мысли приводит писатель? Повторение в дочери — это неисскаемость жизни, это вечность бытия, подчеркнутые и заключительным аккордом — пейзажем: «А там дальше, внизу, такие широкие раскинулись туманы. Они кутали давно скошенные ложбины рек и ручьев, обтекая пригорки и стога в низинах, и остроконечные шапки этих стогов будто плыли по серому туманному молоку. Плыли и не могли уплыть. А из его глубин, как из-под воды,

слышен был то крик дергача, то заглушенный влагой, беспомощный и милый клик по-детски испуганного жеребенка».

Как будто с вершины вечности смотрит с Росстанного холма и видит, и открывает русская женщина то, что дано прозреть только ей одной.

Этот взгляд вдаль не раз встречается в рассказе, только теперь меняется, точнее, пропадает то, что обычно открывалось ее взору. *Что же обычно видела она? Какой образ, помимо образа холма, входит в сознание читателя как главный, важнейший образ? «Песчаная дорога стекала с холма, и чем дальше стекала, тем круче становилась и загибы, и наконец, истонченная в пояс, она пропадала за последним, едва видимым увалом» («внизу, куда уходила зимняя, живущая последнюю неделю дорога, везде белели белые увалы», «увал, где терялась дорога», «взглянула на далекий увал: там, около бескрылой коковки старой ветрянки, уже еле видимая, терялась... дорога», «дорога была безлюдна, недвижима», «никто не шел по дороге», «она взглянула опять на дорогу, дорога стала темней и короче»).*

Дорога и далекий увал (увал — крутой склон) — это то, что притягивает к себе взгляд героини, и эти образы неотделимы от самого холма. *Какое слово, вместо слова «холм», чаще употребляет автор? Что скрывается за этим редким, скорее всего, ранее не встречаемым девятиклассниками, но таким русским, исконным и понятным словом — Росстань? Дорога, путь, увал, холм — они связаны накрепко главным, вершинным событием жизни Марии, русской женщины, проводившей мужа на войну, — расставанием. И трагическая односторонность пути подчеркнута автором решительно и бесповоротно — невозвращением.*

Вспомним рассказ «Холмы», женское кладбище, предназначение мужчин — «срубить дом» и «зачать сыновей» (здесь — дочь, продолжающая жизнь Марии, нелегкую — вечную женскую долю); и еще один незвучный мотив рассказов — мотив исхода из деревни («Все свои, деревенские, подумалось ей, а дома ни одна не живет»). И не хочется вспоминать, но поневоле вторгаются в размышления эти слова: «И никто не носит сюда цветы, никто не навещает этих женщин, не утешает их одиночество...». Тяжело, мучительно это сознание, откровенная боль автора проглядывает в этих строках, но в рассказе «На Росстанном холме» она лишь в подсознании и жизнеутверждающее начало все-таки преобладает. Перечита-

ем эти поистине поэтические строки рассказа, который Ю. Селезнев назвал «поэтической балладой о верности женского сердца»: «Весной и летом Мария часто ходила на Росстань причитать. Выжидала, когда опустевала дорога, надевала что поновее. У Серого камня, может от ее слез, росла густая, с мягким подсадом трава. Привыкли к ней птицы. Летом горькие чибисы, ранней весной грачи белоногие и веселые жаворонки пролетали, считай, над самым ухом, одна кукушка не показывалась из своего усторонья» (усторонье — глушь, захолустье, удаленное от большой дороги). Кукушка — олицетворение печального одиночества, Мария же ни дня не чувствовала себя вдовой, ни неделки, потому и нечего сказать ей кукушке, потому светло и чисто на душе:

*И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,*

*Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...*

Уходит эта «светлая печаль» в глубины народного мироотношения, которое дано постигнуть только таким авторам, как Николай Рубцов и Василий Белов, по-некрасовски емко раскрывающим душевную щедрость, нравственную красоту своих ничем не примечательных героев. Именно бережное отношение к человеку, глубокое проникновение в его душу, превосходное знание народной жизни помогло В. И. Белову создать целую галерею народных образов, среди которых значительное место занимают портреты русских женщин, и ведет о них автор разговор с любовью и большим уважением, с особым, проникновенным лиризмом, как в рассказе «На Росстанном холме».

ШЕВЧЕНКО

Андрей Иванович

—учитель с. Александровка

Спасского района Приморского края

ПОВЕСТЬ Н. В. ГОГОЛЯ

«НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ»

VI КЛАСС

На первом уроке уясняем, что мир устроен двупланоно и в основе этой противоположности — вечная борьба светлого и темного начал. Говорим о том, что такое Рождество... «Добрые люди» колядут и славят всех в любом доме, к которому подойдут; хозяева же без тени жадности бросают в мешки, подставляемые молодежи, кто чем богат. Но щедрость, веселье, пожелания всяческих благ всем и вся, радость великого праздника не устраивают темные силы, и месяц исчезает в кармане черта. Немцем называет его автор, подчеркивая инородность, отчуждение от мира людей. И еще сравнивает с губернским стряпчим. А ведь чиновников в народе испокон веку воспринимали как недобрую,

чужеродную силу. Недаром только что выползшему из шинка волостному писарю (тоже чиновнику) дано было увидеть, как черт воровал месяц.

Далее шестиклассники уже сами увлеченно ищут скрытый смысл фраз, «разбросанных» по тексту, как зернышки в земле.

Черту не сразу удастся похитить месяц, а лишь обманом. Так и зло в нашей жизни никогда не входит прямым путем. «Кузнец был богобоязливый человек». И что же? Черт, несмотря на все старания, не мог помешать ему в «малевании» церковных росписей. Но вот Вакула произносит, обращаясь к Оксане, роковые слова: «Что мне до матери? Ты у меня мать и отец и все, что ни есть дорогого на свете». Что происходит? Нечисть заползает в душу кузнеца и начинает борьбу с его верой.

Ребята подмечают, что темные силы охотятся за каждым, толкая человека на поступки, от которых он сам же будет страдать. Подтвердим это наблюдение. Вот Чуб выходит в метель на улицу, и разум подсказывает ему вернуться, «но теперь его как будто что-то дергало идти наперекор». И такая черта характера, как упрямство, способна его погубить. Ребята шутят друг над другом, весело выясняя, к кому нечисть уже заползла в душу. Поэтому уже серьезно говорим о «борьбе с самим собой», изживании отрицательных черт харак-